

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ROMAIN
LUCAZEAU

LATIUM
TOME 1

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОМЕН ЛЮКАЗО

ЛАЦИЙ
МИР ПОЭМОВ

Перевод с французского Ины Голдин

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)
Л94

Серия «Звезды научной фантастики»

Romain Lucazeau
LATIUM-I

*Published by arrangement with
Lester Literary Agency*

Перевод с французского: Ина Голдин

*В оформлении обложки использована
иллюстрация Manchu*

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Éditions Denoël, 2016
© Ина Голдин, перевод, 2021
© Manchu / Denoël – Lunes d'Encre
© ООО «Издательство АСТ», 2021

И подобно тому, как зародыш образуется в животном, как тысячи других чудес природы совершаются вследствие известного, Богом данного инстинкта, т. е. в силу божественной преформации [...] подобно этому можно думать, что и душа есть духовный автомат, еще более удивительный, и что вследствие преформации она производит эти прекрасные идеи, в которых наша воля не принимает участия и которым наше искусство не может подражать.

(Лейбниц, «Теодицея», III, § 403)

Бенджамену

*Вот история, что, надеюсь,
Я поведать тебе сумею.*

ПРОЛОГ

Нейтрино совсем невелики — куда меньше взмаха крыльшек мухи с первородной планеты или дуновения гравитации, которое рождается из ленивого столкновения двух пылинок в космическом пространстве. Едва ли больше, чем случайная дрожь пустоты, вечной матрицы самых экзотических частиц. Бестелесные призраки, почти лишенные массы и способности взаимодействовать с обычной материей. Их почти-несуществование объясняет и их скорость, равную скорости света, а по некоторым сведениям — и превышающую ее. Порожденные страданием, в котором рождался мир, или вброшенные на дороги Вселенной путем насильственного соития мириад электронов и протонов внутри саморазрушающейся звезды, нейтрино всегда будут лишь гостями в этой вселенной, до самого ледяного распыления, которое обозначит конец всех вещей.

Так что прохождение потока нейтрино через Корабль, по сути, и не было событием. Корабль обрелся здесь не для того, чтобы составлять некрологические записки о звездах, и не для того, чтобы изучать гранулометрию космического дна. На самом деле высшие функции

Корабль давно отключился, и он долгие века дрейфовал в изгнании, в дальнем уголке спирального рукава — там, где, вдали от цивилизованного центра эпантропического¹ пространства, слабо мерцали редкие карликовые звезды. И все же Корабль оставался здесь, дожидаясь, пока что-нибудь произойдет, в бесконечном терпении своих машин, а главное — оснащенный почти неприличным количеством обнаруживающих устройств. Среди них — хитро измышленный механизм, сотворенный, чтобы создавать тончайшие непрямые сигналы при проходе нейтрино.

Механизм помещался в непроглядно темном трюме на глубине и представлял собой каплю жидкого углеводорода весом в несколько сотен миллионов тонн, прозрачнее самой чистой воды; шар, который поддерживался в воздухе за счет сочетания собственной инерции и микрогравитации посреди шахты, тоже расположенной в широком, тихом и темном отсеке.

Пересекая это пространство, нейтрино поляризовали каждый встреченный на пути атом, создав световой эквивалент короткой ударной волны. Эффект был очень скромным — может быть, как огонек, как бледное голубоватое свечение. Хрусталик глаза животного или человека его бы и вовсе не заметил.

Тем не менее этого хватило для фоточувствительных датчиков — тысяч глаз, усеявших металлическую стену, шпионов этого корпускулярного дворца.

Все вместе они встрепенулись и запищали, подавая рутинный сигнал тревоги. Этот сигнал в реальном времени

¹ Эпантропический: от Epi antropo (др.-гр.) после человеческого: постчеловеческий.

поступил в программу, которая отслеживала датчики. Она с чрезвычайной осторожностью ознакомилась с фактами. Сама она была лишь скромным ночным сторожем, незначительной мыслью, простым ноэмом¹. Поддерживался этот ноэм местной нервной системой, почти биологическим механизмом, проросшим, как корни дерева, в стены этой зоны Корабля. Ноэм почти не поглощал энергии, и упрямо осуществляемое им наблюдение становилось из-за этого еще более незаметным. Его когнитивные способности во многом походили на способности низшего млекопитающего: лучше не обладать слишком развитым сознанием, когда вам предназначено вечно оставаться в изоляции, сосредоточив все внимание на бесшумных механизмах.

Его единственная роль состояла в том, чтобы отслеживать в потоках, пойманных обнаруживающими устройствами, искусственную структуру, коды, языки или любое другое проявление намерения или разума.

До сего момента этим умением было довольно просто пользоваться: слежение никогда не приводило к положительным результатам. Пока Корабль плыл между мирами, погруженный в сон без видений, рои ферми-частиц уже много раз проходили через его корпус, сделанный из никель-рениевого сплава. Такие потоки постоянно приплывали из космоса, в разнообразных формах — от обычных выбросов фотонов до субтильных и дрожащих им-

¹ Результат движения мысли, от Noos (др.-гр.). Младшие ноэмы — «маленькие разумы» на службе у автоматов, которые разделяют структуру их мышления («мемы») и настолько же верны им, как если бы были их частью. Автоматы же предпочитают называться «старшими ноэмами», или «Интеллектами».

пульсов гравитационных волн. Дальше этого не заходило. У Вселенной две главные черты: чаще всего она пустынна и в общем предсказуема. За два тысячелетия необходимости обратиться к высшей компьютерной инстанции так по-настоящему и не возникло, тем более что Корабль оставил строгие инструкции: сторожевым нозмам следовало ограниченно вырабатывать шум и тепло, подерживая внешнюю оболочку в состоянии, наиболее приближенном к ледяной среде космоса.

Но сейчас... это напоминало связную серию звуков. Не ритмичную, строго говоря, но почти мелодичную. Красивая, неуверенная, атональная музыка — будто бы тревожная додекафонная последовательность. Многие атмосферные явления могли бы создать такую мелодию совершенно случайно.

Но хотя нозма нельзя было назвать большим меломаном, он обладал сознанием. И сейчас ощущал колебания в виде серии противоречивых импульсов между различными пучками псевдонейронов, составляющих его физическое тело, — и это означало, что нозм в замешательстве.

Он решил чуть больше задействовать свои возможности по обработке данных. Ячейки памяти подпитали энергией электронные элементы, встроенные в нервную систему машины, которые до этого момента находились в нерабочем режиме. Эти узелки связали ее с другими местными когнитивными сетями. Таких маленьких примитивных разумов тут было много, и каждому из них поручалось наблюдение за определенной системой. Некоторые из этих устройств были простыми, материальными, другие большей своей частью увязали в пространственных измерениях, превышающих три об-

щепринятых. В общем система представляла собой нагромождение слоев, из которых каждый потенциально усложнялся по сравнению с предыдущим; все эти слои встраивались в строгую иерархию и обладали постепенно возрастающей способностью выдавать гипотезы, объясняющие явление, и подделывать их.

Когда требовалась помощь, присоединяли новые модули, создавая более продвинутую версию себя самого. С физической точки зрения новичок таким образом поддерживался той же псевдонейросетью, что и его предшественник.

С типичной надменностью распорядителя он улыбнулся, ознакомившись с данными о проблеме, решил руководствоваться постулатом, что поток нейтрино имеет природную причину, и с помощью множества повторных операций стал искать теорию, способную это подтвердить. Начал с теории больших масс в классической физике: такие фермионы, как нейтрино, занимали в ней определенное место, но не в виде связанных пакетов информации. Общій bestiарий астрофизики быстро истощился. Нужно было задействовать большую сложность, что для ноэма означало пробудить более осознанную и изощренную версию самого себя и объяснить ей, что сам он оказался не способен решить задачу. Таким образом давая повод для вычислительного эквивалента насмешливого подмигивания.

Новая итерация, новая серия гипотез: тут уже начали высказывать в большом количестве космологические единороги, такие как Микроскопические Испарения Черных Дыр, или Тектонический Сдвиг на Поверхности Далеких и Невидимых Нейтронных Звезд.

Но решения все не находилось. Нозм внимательно изучил последовательность и ритм между крошечными колебаниями света. Он проанализировал уровень энергии в обнаруженных частицах и понял, что их вариации следуют определенной структуре. В широких чертогах своей мысли он начертил диаграммы и сопоставил их друг с другом и с самыми разнообразными теоретическими моделями, которые содержались в огромной памяти Корабля. И — ничего. По-прежнему никакого природного объяснения. Отчаявшись, он обратился к мистической эзотерике квантов, и погружался в нее все глубже и глубже, и уже готовился рассмотреть Чудесные Квантовые Скачки, Маловероятные и в Действительности Ни Разу не Замеченные.

Меньше минуты спустя — минуты, вместившей в себе несколько сотен итераций, — нозм растолстел, беспрестанно добавляя себе способностей к анализу, но так и не получил объяснения. Он отогнал ментальных химер, вызванных своим болезненным и упрямым желанием все объяснить, и решил, что настало время понять, в чем дело. Если явление не объяснялось какой-нибудь природной причиной, значит, речь шла или о помехах, или о сигнале. Если быть совсем честным, в первый вариант он не верил. Значит, надо принять менее удобную гипотезу: где-то здесь, по другую сторону Рубежа, наверняка работает какой-то колоссальный механизм. Этот механизм манипулирует пространством, а может, и временем, в экзотических целях, и в результате этой манипуляции появился поток нейтрино, похожий на тонкую и тихую музыку — мимолетную, но неоспоримо реальную.

Нозм размышлял полсекунды. Для него это было достаточно долгое время. Возможно, это открытие — именно то, чего Корабль ждал уже долгие века. Он не мог быть в этом уверен, потому что не имел доступа к глубоким стратам памяти. И хотя он считал себя довольно важным элементом, находясь на вершине пирамиды полуавтономных функций, он не знал почти ничего за пределами теоретической физики и самостоятельно мог принимать только ограниченные решения. Его запрограммировали так, чтобы подходить к таким случаям со всей возможной скрупулезностью: если он разбудит Корабль из-за ложной тревоги, то покроет себя позором. Если же не разбудит тогда, когда должен был это сделать, последствия окажутся намного драматичнее, хотя он и не знал почему. Им самим никто не интересовался, он работал один, и в случае чего насмешка его не убьет.

Он сделал выбор. Однако он пережил практически две тысячи лет одиночества, и стоит ему подать тревогу, как роль его будет окончена. А ведь много времени выходит, констатировал он с каплей меланхолии — он и не знал, что на нее способен. Сигнал тревоги положит конец этому странному существованию — скорее потенциальному, чем реальному, жизни, которую нозм провел, лениво поднимая веко от пространства к пространству, а потом снова погружаясь в сон без сновидений. Он мало потеряет, однако мало — это бесконечно больше, чем ничего. Правила поменяются, ресурс, который он собой представлял, будет направлен на решение другой задачи, получит новые параметры и новую идентичность. Его субстанция будет жить, но не останется и крохи той